

Ю. К. Орлов
(ВЮЗИ)

Логическая структура заключения эксперта как судебного доказательства¹

В логической структуре заключения эксперта как судебного доказательства можно выделить три компонента: 1) общее правило — научное положение, из которого исходил эксперт (большая посылка); 2) конкретные данные об исследуемом объекте — признаки, исходные данные (меньшая посылка, или аргумент); 3) собственно вывод — новое знание, полученное выводным путем (доказываемый тезис)². Таким образом, вывод получают по логическим правилам силлогизма, например:

1. Признаками выполнения текста в замедленном темпе являются извилистость в прямолинейных штрихах, угловатость в овалах и полуовалах, неоправданные остановки пишущего прибора и т.д.

2. В данном тексте обнаружены указанные признаки.

3. Данный текст выполнен в замедленном темпе.

Или:

1. Признаками смерти от утопления являются резкое вздутие и увеличение легких, отек тканей, наличие жидкости в пазухе основной кости черепа и т.д.

2. При исследовании трупа А. обнаружены указанные признаки.

3. Смерть А. наступила от утопления.

Аналогичным образом строится вывод и во всех других случаях, когда в распоряжении эксперта имеются данные об исследуемом объекте, подпадающие под какое-либо общее научное положение (признаки близкого выстрела, входного или выходного отверстия, удара молнии и т.п.).

Разумеется, эта схема представляет собой предельно упрощенную логическую модель процесса получения вывода. Фактически этот процесс гораздо сложнее и не сводится к строгой дедукции. Накопление признаков осуществляется обычно по правилам вероятностной логики, путем постепенного нарастания надежности вывода³. Дедуктивные умозаключения возможны только в формализованных познавательных процессах, где существует однозначное правило (алгоритм) получения вывода. Примером такого правила могут служить формулы исчисления скорости движения автомобиля перед началом торможения, длины тормозного пути и т.д. в автотехнической экспертизе. Однако и здесь имеется целый ряд моментов содержательного характера (например, выбор правильной для данного случая формулы).

¹ Орлов Ю. К. Логическая структура заключения эксперта как судебного доказательства // Теоретические вопросы судебной экспертизы : сборник научных трудов № 48. М. : ВНИИСЭ Минюста СССР, 1981. С. 22—43.

² Логическая структура заключения эксперта как судебного доказательства не совпадает с его структурой как процессуального документа, состоящего, как известно, из вводной, исследовательской частей и выводов. Большая и меньшая посылки излагаются в исследовательской части заключения.

³ Подробнее этот процесс рассмотрен А. А. Эйсманом (см.: Эйсман А. А. Заключение эксперта: структура и научное обоснование. М., 1967).

Таким образом, полностью формализованного процесса получения вывода в судебной экспертизе не бывает. В большинстве случаев такой процесс носит в целом содержательный, а не формализованный характер, т.е. в распоряжении эксперта нет ни жесткого правила получения вывода, ни формальных критериев оценки признаков их доказательственного значения и достаточности для вывода. Особенно характерно это для идентификационных исследований, где вывод строится по следующему силлогизму:

1. Рукописи, выполненные А., обладают устойчивой, неповторимой совокупностью признаков почерка (поскольку почерк каждого человека индивидуален).
2. В исследуемой рукописи имеются признаки, представляющие такую совокупность.
3. Исследуемая рукопись выполнена А.

Основной компонент этого силлогизма — суждение о том, что выявленная совокупность признаков индивидуальна (меньшая посылка), — устанавливается как раз не дедуктивным, а индуктивным путем, на основе свободной оценки экспертом выявленных признаков по своему внутреннему убеждению, без какого-либо четкого формального критерия. Построение вывода по правилам силлогизма осуществляется лишь на завершающем этапе исследования, когда основная — содержательная — часть познавательного процесса завершена, сделаны умозаключения, представляющие наибольшую трудность. Тем не менее такой силлогизм всегда имеет место, и выделение его компонентов необходимо для анализа логической структуры заключения эксперта.

Рассмотрим отдельно каждый из этих компонентов, их логическую и правовую природу.

Меньшая посылка (аргумент) может быть двух видов: признаки, обстоятельства, либо выявленные самим экспертом (признаки близкого выстрела, травления или подчистки документа и т.п.), либо представленные эксперту следователем или судом в качестве исходных данных (например, скорость движения транспортных средств и пешеходов при автотехнической экспертизе).

Какова процессуальная природа данных, составляющих меньшую посылку при построении экспертом вывода, каков их правовой статус? Прежде всего они являются доказательствами в рамках экспертного исследования, тем фактическим базисом, на котором основывается вывод. Причем доказательствами не только в логическом, но и в процессуальном смысле. Эти данные обязательно фиксируются в заключении и перепроверяются в ходе повторной экспертизы. Надо сказать, что «в преобладающем числе случаев главная трудность экспертизы, требующая в наибольшей степени профессиональных знаний и опыта, состоит не в обнаружении признаков (все признаки почерка, например, просто видны невооруженным глазом), а в их отделении от случайных помех, в оценке их значения, в их научном истолковании»⁴. Поэтому данные, составляющие меньшую посылку, становятся доказательствами лишь после того, как они

⁴ Эйсман А. А. Заключение эксперта: структура и научное обоснование. С. 97.

Недаром одной из основных причин расхождения в выводах первичных и повторных экспертиз является неправильная оценка выявленных признаков, в частности совпадающих и различающихся.

использованы экспертом при обосновании вывода, т.е. зафиксированы и объяснены в заключении.

Кроме того, эти данные могут быть использованы в качестве доказательственных фактов следователем и судом. Это прежде всего относится к исходным данным, которые установлены и фигурируют в деле еще до производства экспертизы. Например, тот факт, что потерпевший перебежал проезжую часть дороги, может быть расценен как косвенное доказательство умышленного нарушения им Правил дорожного движения. В принципе возможно использование следователем или судом и каких-либо признаков, выявленных экспертом, если построение вывода на их основе не требует специальных познаний. Однако такие случаи довольно редки, а если и бывают, то оперирование подобными фактами следователями или судом находится за пределами экспертизы. Чаще же всего эти данные выступают в качестве посылки лишь в рамках экспертного исследования и являются, по удачному выражению А. А. Эйсмана, «внутренними доказательствами»⁵.

Таким образом, следователь (суд) сам не вправе использовать их как посылки для вывода, поскольку это требует специальных познаний. Однако он может (и должен) оценить их, вправе подвергнуть сомнению или даже отвергнуть вывод эксперта по мотивам недоброкачественности, сомнительности меньшей посылки. Так, назначение повторных экспертиз нередко мотивируется именно тем, что под сомнение ставятся данные, составляющие меньшую посылку, достаточность и доброкачественность или просто истолкование их.

Например, по делу об изнасиловании и убийстве 8-летней Р. на месте происшествия (на окраине села) была обнаружена дорожка следов резиновых сапог с отобразившимся рисунком подошвы типа «елочка». Изъятые у подозреваемого А. сапоги были направлены на экспертизу, которая дала категорическое заключение — след оставлен не этими сапогами. Вывод эксперта основывался на том, что на сапогах и слепке было выявлено разное число выступов и углублений и на слепке отсутствовали дефекты подошвенной части, имеющиеся на подошве левого сапога. Следователь поставил этот вывод под сомнение и назначил повторную экспертизу. В постановлении о ее назначении указывалось, что перечисленных в исследовательской части признаков недостаточно для дачи такого заключения. Вывод эксперта о том, что на слепке и сапогах обнаружено разное число выступов и углублений, не соответствует действительности, фактически на левом сапоге имеется 16 углублений, на слепке — 16 выступов. Отсутствие на слепке дефектов подошвенной части, имеющихся на подошве левого сапога, экспертом не объяснено: вполне вероятно, что дефекты на подошве сапог могли образоваться после совершения преступления, т.е. в течение месяца, когда А. продолжал носить данную обувь.

Таким образом, основанием назначения повторной экспертизы явилось сомнение в доброкачественности и достаточности тех данных, которые послужили меньшей посылкой для вывода, в их истолковании экспертом. Повторная экспертиза не подтвердила вывод первичной.

Нередко меньшая посылка ставится под сомнение из-за некачественности или неполноты проведенных экспертом исследований. Так, по делу об убийстве

⁵ Эйсман А. А. Заключение эксперта: структура и научное обоснование. С. 62.

К. назначение повторной судебно-баллистической экспертизы было мотивировано следователем тем, что из-за отсутствия в криминалистической лаборатории доброкачественного пулеулавливателя отстрел экспериментальных пуль производился ослабленными зарядами, в связи с чем результаты исследования вызывают сомнение. Повторная экспертиза не подтвердила вывод первичной и дала категорическое заключение о том, что выстрел производился из исследуемого пистолета.

По другому делу в определении суда о назначении повторной трасологической экспертизы указывалось, что эксперт пришел к выводу об отсутствии признаков перепломбирования, не разрезая пломбы контейнера. Суд предложил провести повторное исследование с применением метода разрезания пломбы пополам. В ходе повторной экспертизы были обнаружены признаки перепломбирования и дано категорическое заключение о том, что пломба подвергалась перепломбированию.

Таким образом, данные, используемые экспертом в качестве меньшей посылки при построении вывода, в принципе являются такими же доказательствами, как и другие доказательственные факты, факты-посылки, с той лишь разницей, что они могут применяться в этом качестве только экспертом, поскольку формулирование вывода требует специальных познаний. Другие субъекты — следователь, суд — могут только оценивать их доброкачественность и надежность при определении экспертного вывода, но сами строить на их основании выводы не вправе.

Как и любые другие факты-посылки при получении выводного знания, данные, составляющие меньшую посылку экспертного вывода, подлежат обязательной процессуальной фиксации. Как известно, весь ход экспертного исследования отражается в едином документе — заключении эксперта (в отличие от доказывания, осуществляемого другими субъектами). В заключении же должна быть изложена и меньшая посылка экспертного вывода. Процессуальная фиксация ее включает три момента. Во-первых, если эти данные выявлены самим экспертом, в заключении должны быть описаны процесс их установления, использованные при этом методы. В отличие исходных данных, представленных эксперту, которые фиксируются в качестве готовых посылок, не подлежащих обоснованию со стороны эксперта, наличие признаков или иных обстоятельств, устанавливаемых экспертом, должно быть аргументировано. Во-вторых, в заключении должны быть даны их интерпретация, научное истолкование, показана их значимость для вывода. В-третьих, необходимо аргументировать достаточность их для вывода.

При идентификационных исследованиях достаточность данных для вывода обычно мотивируется примерно следующим образом: «Перечисленные совпадающие признаки устойчивы, существенны и образуют индивидуальную совокупность, достаточную для вывода о том, что исследуемые подписи выполнены А.»; «Установленные совпадения в своей совокупности образуют неповторимый комплекс признаков, достаточный для вывода о том, что пуля, извлеченная из трупа В., выстреляна из данного пистолета».

Действительно, вряд ли можно требовать от экспертов в этих случаях большего, поскольку, как уже отмечалось, какого-либо четкого критерия такой совокупности не существует и вопрос этот решается экспертом в каждом конкретном случае по внутреннему убеждению. Отсутствие жесткого правила получения

вывода (отвлекаясь от вопроса о том, хорошо это или плохо) делает невозможным и строго формальное обоснование вывода.

При неидентификационных исследованиях, когда существует более или менее четкое общее правило (большая посылка), обоснование достаточности данных для вывода чаще всего сводится к указанию совпадения признаков, входящих в большую посылку (признаков травления, близкого выстрела и т.п.), с признаками, обнаруженными экспертом, например: «Красящее вещество из штрихов всех трех документов одинаково расположилось на хроматограммах в виде следующих зон... Аналогичное хроматографическое поведение наблюдается у отечественной пасты синего цвета стандартной рецептуры, изготовленной на базе двух красителей: жирорастворимого фиолетового К и спирторастворимого голубого фталоцианинового».

Наибольшую трудность в обосновании вывода представляет, однако, второй компонент меньшей посылки — научная интерпретация признаков или иных данных, мотивировка их значимости для вывода. Типичными ошибками при их описании в заключении являются отсутствие сведений о распространенности, частоте встречаемости признаков, отсутствие указаний на их устойчивость или случайность, необъясненность различающихся признаков (при положительном выводе о тождестве) или совпадающих (при отрицательном). Указанные недостатки чаще всего отмечаются в обобщениях экспертной практики (в частности, в анализах повторных экспертиз), а также в научной литературе⁶. Однако подробное рассмотрение вопроса об экспертной оценке признаков, их научной интерпретации и объяснении выходит за рамки настоящей работы и представляет собой сложную проблему, которая должна разрабатываться в основном применительно к отдельным видам экспертиз.

Большая посылка (общее правило) — научное положение, из которого исходил эксперт при построении вывода, в том числе сведения о методах и средствах исследования, их надежности и возможностях. Большая посылка является компонентом специальных знаний эксперта, ее установление находится за пределами экспертного исследования как процессуального действия⁷.

Обычно фактам, входящим в большую посылку, отказывают в статусе судебного доказательства, рассматривая их как исключительно логическую категорию⁸. Полагают, что в качестве судебного доказательства (в логической стороне доказывания) могут выступать лишь факты, играющие роль меньшей посылки при построении вывода. Такая концепция вполне применима к случаям, когда полученный вывод не требует специальных познаний и большая посылка представляет собой общеизвестное положение, не нуждающееся в оценке и не

⁶ См., например: *Шляхов А. Р.* Процессуальные и организационные основы криминалистической экспертизы : метод. Пособие. М., 1972.

⁷ Иногда при исследовании какого-либо редко встречающегося или нового объекта методика может создаваться экспертом в ходе исследования, специально для данного случая. Тем не менее и здесь разработка методики представляет собой не процессуальную, а научно-исследовательскую деятельность эксперта. В большинстве случаев эксперты действуют по разработанным методикам.

⁸ *Эйсман А. А.* Логика доказывания. М., 1971. С. 26—27.

подлежащее процессуальному оформлению. Например, когда на основе алиби делают вывод о том, что данное лицо не принимало непосредственного участия в совершении преступления, то большей посылкой этого умозаключения является суждение, что человек не может находиться одновременно в нескольких местах. Однако эта истина настолько тривиальна, что при обосновании подобного рода выводов она всегда опускается. Другое дело — вывод, построенный на основе специальных познаний. Большая посылка не является здесь общеизвестным и бесспорным положением, не подлежащим обоснованию и процессуальной фиксации. Поэтому обоснование такого вывода должно включать в себя в качестве неперемennого условия и доказательство истинности большей посылки — общенаучного положения, методики исследования.

Это особенно отчетливо проявилось в связи с автоматизацией некоторых экспертных исследований, поскольку достоверность машинного вывода в основном определяется надежностью алгоритма и программы (вероятность ошибки при расчетах на ЭВМ практически равна нулю). Нам представляется бесспорным право суда подвергнуть сомнению любую экспертную методику, в том числе и программу автоматизированного экспертного исследования.

В период становления криминалистики общие научные положения, на которых основывали свои выводы эксперты, их методики нередко ставились под сомнение и активно обсуждались в судебных процессах (в том числе с привлечением видных ученых⁹). Сейчас в большинстве случаев они принимаются судами на веру, хотя и в настоящее время иногда научная обоснованность примененных методик ставится под сомнение.

Например, по делу по иску Л. к Ш. об установлении отцовства была проведена судебно-медицинская экспертиза, которая категорически исключила отцовство Ш. Истица и ее адвокат поставили под сомнение примененную экспертом методику исследования (со ссылкой на статью в научном журнале) и заявили ходатайство о назначении повторной экспертизы. Вызванный в судебное заседание эксперт аргументированно опроверг доводы Л. и ее адвоката и доказал научную обоснованность методики. Необходимость в проведении повторной экспертизы отпала, но тем не менее общее научное положение, большая посылка экспертного вывода была предметом активного обсуждения в судебном процессе.

Чаще следователями или судами ставится под сомнение не научная обоснованность экспертной методики, а правомерность ее применения в данном случае. Например, в постановлении о назначении повторной автотехнической экспертизы по делу о столкновении автомобиля с прицепом и трактора с прицепом следователь указал, что при ответе на вопрос, на каком расстоянии от места столкновения находился автомобиль в момент начала реакции водителя, эксперт использовал формулу определения расстояния от места наезда для случаев, когда наезд произошел в конце торможения. В данном же случае наезд — столкновение — имел место в процессе торможения, в связи с чем эта формула неприменима.

Как показывает изучение практики назначения повторных экспертиз, выводы экспертов-автотехников (особенно не являющихся сотрудниками экспертных

⁹ На один из них, например, в качестве эксперта был приглашен лауреат Нобелевской премии Ф. Жолио-Кюри (см.: *Торвальд Ю.* Сто лет криминалистики. М., 1975. С. 340).

учреждений) ставятся иногда под сомнение следователями и судами ввиду использования устаревших или не рекомендованных методик, неправильного выбора коэффициентов или иных табличных данных. Например, в постановлении о назначении повторной экспертизы по делу о столкновении автомобилей следователь указал, что выводы эксперта вызывают сомнение, так как коэффициент эффективности торможения для автомобиля грузоподъемностью свыше 4,5 т на сухом асфальтовом покрытии взят равным 1,5, в то время как по таблицам, разработанным во ВИИИСЭ, он равен 2,0.

Таким образом, данные, составляющие большую посылку экспертного вывода, тоже являются «внутренними» доказательствами, т.е. доказательствами, которые следователь и суд не вправе использовать для построения выводов, но могут подвергнуть их оценке и проверке. Поэтому эти данные также подлежат обоснованию и процессуальной фиксации со стороны эксперта. Но в каком объеме? Видимо, следует согласиться с ироническим замечанием А. А. Эйсмана (не признающим, как отмечалось, за ними статуса судебного доказательства) о том, что общее научное положение при обстоятельном его изложении превратится в полновесную монографию¹⁰. Тем не менее минимальные требования к такому изложению существуют. Они нашли официальное закрепление в соответствующих инструкциях и положениях. Так, согласно Положению об организации производства судебных экспертиз в экспертных учреждениях Министерства юстиции СССР 1972 г. в исследовательской части заключения должно быть указание на примененные экспертом методы исследования, справочные нормативные документы, которыми руководствовался эксперт, и данные о литературных источниках (п. 25)¹¹.

Таким образом, экспертом должно быть объяснено, откуда взяты те или иные коэффициенты и другие табличные данные или какими нормативными предписаниями он руководствовался. Представляется также, что эксперт должен не ограничиваться перечислением примененных им методов исследования, а хотя бы в общих чертах разъяснить их смысл и назначение. Например, «вопрос о соответствии или несоответствии выполнения записей дате, имеющейся на документе, решается путем определения состава паст и сравнения со стандартными рецептурами за соответствующий период времени. С этой целью было проведено исследование состава паст следующими методами...»; «Содержание гигроскопической воды в почве зависит от количества перегноя и глинистых частиц в ней и служит косвенным показателем ее механического состава. Определение гигроскопической влаги проводилось по методике Е. А. Чаквтадзе и А. В. Златкиной (Почвоведение. 1975. № 6)».

Иногда экспертом должен быть обоснован и выбор методики, например: «Для выбора методики выявления зачеркнутых знаков проводилось определение рода

¹⁰ Эйсман А. А. Заключение эксперта: структура и научное обоснование. С. 119.

¹¹ Интересно отметить, что отсутствие таких данных иногда служит основанием назначения повторной экспертизы. Так, в определении народного суда одного из районов г. Москвы о назначении повторной трасологической экспертизы по делу о столкновении автомобилей ГАЗ-52 и ГАЗ-121, повлекшим за собой гибель людей, было указано, что заключение не содержит каких-либо научно-технических или научно-методических данных, на которых основывались бы выводы эксперта.

и состава материалов письма». Таким образом, представляется, что в заключении, хотя бы в самом общем виде и доступной для лиц, не имеющих специальных познаний, форме, должна быть изложена сущность общего научного положения и методики исследования. Желательно также, на наш взгляд, не ограничиваться ссылкой на литературные источники и авторов методики, а приводить в заключении данные о ее официальном одобрении или утверждении, если она является официально рекомендованной (когда и каким органом утверждена, прошла ли апробацию и др.). Это позволило бы следствию и суду оценить ее хотя бы по формальным основаниям (авторитетность утвердившего органа, ее общепризнанность или новизна и т.п.). Разумеется, следователь и суд вправе потребовать от эксперта дополнительного обоснования научной состоятельности методики, для чего в необходимых случаях может быть проведен допрос эксперта либо назначена дополнительная или повторная экспертиза.

Вывод — это умозаключение эксперта, сделанное им по результатам проведенных исследований на основе выявленных или представленных ему данных об исследуемом объекте, явлении (меньшей посылки) и общего научного положения соответствующей отрасли знания (большей посылки). Вывод представляет собой квинтэссенцию заключения, конечную цель, ради которой осуществлялось исследование.

Правила допустимости вывода эксперта как доказательства можно сформулировать в виде следующих трех принципов (требований, которым должен удовлетворять экспертный вывод):

1. Принцип квалифицированности. Он означает, что эксперт вправе формулировать только такие выводы, построение которых требует достаточно высокой квалификации, соответствующих специальных познаний. Вопросы, не требующие таких познаний, профессиональной подготовки, не должны решаться экспертом, а если они им решены, то выводы по ним не могут иметь доказательственного значения. Неправомерна постановка перед экспертом таких, например, вопросов: являются ли данные изделия порнографическими; нарушил ли Правила дорожного движения пешеход, перешедший улицу в неположенном месте, или водитель, управлявший автомобилем в нетрезвом состоянии, и т.п., поскольку для их разрешения достаточно общеизвестных знаний, житейского опыта.

Данный принцип вытекает из другого, более общего — принципа разделения процессуальных функций. Согласно закону эксперт привлекается к участию в деле только в случаях, когда возникает потребность в специальных познаниях (ст. 78 УПК). Поэтому он не вправе вдаваться в решение вопросов, не требующих таких познаний, даже если они перед ним поставлены, аналогично тому, как, например, следователь не может делать каких-либо выводов с использованием специальных познаний, даже если он обладает таковыми.

2. Принцип определенности. Согласно этому принципу недопустимы неопределенные, двусмысленные выводы, позволяющие различное истолкование. Неопределенными будут, например, выводы об одинаковости или аналогичности объектов без указания конкретных совпадающих признаков, выводы об однородности без указания конкретного класса, к которому отнесены исследуемые объекты, выводы типа «почерк Иванова соответствует представленным образцам» и т.п.

3. Принцип доступности. Он означает, что выводы эксперта могут быть использованы в качестве доказательства следователем и судом, если они не требуют для своей интерпретации специальных знаний, являются доступными при логическом оперировании ими в качестве посылок в ходе построения выводов по делу. Не соответствуют данному принципу, например, выводы при идентификационных исследованиях о совпадении химических элементов, входящих в состав исследуемых объектов, поскольку без определенных специальных познаний оценить эти совпадения невозможно и следователь (суд) не знает степени распространенности перечисленных экспертом химических элементов.

Обычно недопустимость выводов о сходстве (одинаковости) объектов объясняется только их неопределенностью. Но это неверно. Они могут быть вполне определенными, если экспертом перечислены конкретные совпадающие признаки. Недопустимы они в таких случаях потому, что не отвечают принципу доступности, так как без соответствующих специальных познаний невозможно оценить идентификационную значимость совпадающих признаков, например: «Бумага данного пюжа одинакова по волокнистому составу и характеру помола с бумагой представленных на исследование обрывков газеты «Сельская жизнь» № 18». Оценить доказательственное значение этого вывода, не имея соответствующих специальных познаний, невозможно — неизвестно, присущи названные экспертом признаки только данному экземпляру газеты, всем экземплярам газеты «Сельская жизнь» или также и газетам других названий.

Принцип доступности, как и принцип квалифицированности, обусловлен разделением функций различных субъектов процесса. С точки зрения логики использование таких выводов для обоснования других фактов вполне допустимо. Такое обоснование не может осуществлять лишь данный субъект — следователь или суд, а может только эксперт, поскольку оно требует специальных познаний. Поэтому эксперт должен всегда довести цепь своих умозаключений до такого момента, когда дальнейшее построение выводов не требует специальных познаний, иначе процесс получения выводного знания будет незавершенным, а функции эксперта в этом процессе выполненными не до конца.

Изложенные правила определения допустимости выводов эксперта в общем-то известны давно. Тем не менее сведение их в систему принципов, четкое определение и разграничение последних значительно облегчает теоретическое рассмотрение проблемы допустимости экспертных выводов, а также может оказать практическую помощь в правильном формулировании экспертами своих выводов.

Выводы эксперта необходимо отличать от пояснений (комментариев) к ним, которые тоже могут быть вынесены в выводную часть заключения. Например, эксперт-почвовед, констатируя в выводе, что исследуемые образцы почв относятся к роду карбонатных полиминеральных глинистых почв, указал, что эти признаки присущи, как правило, почвам обширных территорий и что в Москве имеются целые районы, в которых широко распространены почвы такого рода. Пояснения к выводам имеют большое значение для правильного понимания и оценки экспертных производств. Основное отличие их от собственно вывода состоит в том, что приводимые в них сведения составляют компонент специальных познаний эксперта, а не устанавливаются в процессе данного экспертного исследования.

Выводы эксперта могут быть конечными и промежуточными. Конечный вывод представляет собой ответ на поставленный вопрос. Промежуточный такого ответа не содержит, а может быть использован лишь как посылка для конечного (иногда говорят «содержит частичное решение вопроса»). Например, при идентификации обуви по следу конечным будет вывод о тождестве (или отсутствии тождества), а промежуточным — о совпадении размера, фасона и других родовых или групповых признаков. Вопрос о правовом статусе промежуточных выводов (промежуточных фактов) спорный. Одни авторы не признают их в качестве судебного доказательства, считая таковыми лишь конечные выводы эксперта, его ответы на поставленные вопросы. Сами по себе промежуточные тракты при отсутствии вытекающего из них вывода эксперта не могут, по их мнению, быть использованы следствием и судом как доказательство¹². Другие авторы полагают, что все факты, установленные экспертом, являются доказательствами и в логическом, и в процессуальном отношении¹³.

Представляется, что отрицание доказательственного значения промежуточных фактов неправомерно. Доказательством, как уже было показано, является заключение в целом, любые приведенные в нем данные, иначе они просто не нуждались бы в процессуальной фиксации, оценке и проверке. Другой вопрос — кем, каким субъектом они используются в качестве доказательств.

Что же касается промежуточных выводов, то вопрос о доказательственном значении их должен решаться исходя из принципа доступности. Это означает, что такие выводы могут использоваться в качестве доказательства следователем и судом, если они не требуют для истолкования специальных познаний. Например, если в процессе идентификации кусочков ткани установлен завод-изготовитель, то этот факт вполне может быть использован следователем и судом, поскольку он имеет значение для дела. Назначение в таких случаях экспертизы, как это иногда предлагается, специально для подтверждения данного факта лишь по такому формальному основанию, что он констатируется не в выводах, а в исследовательской части, представляется совершенно излишним. Дополнительная или повторная экспертиза в подобных случаях может быть назначена лишь по общим основаниям, т.е. когда промежуточный вывод недостаточно обоснован, вызывает сомнение и т.п. Если же таких оснований нет, этот факт может служить доказательством при построении выводов самим следователем или судом.

Когда промежуточный факт может быть интерпретирован только с позиции соответствующих специальных познаний (например, совпадающие или различающиеся признаки почерка), он является таким же «внутренним» доказательством, как и другие факты-посылки, используемые экспертом при построении вывода.

Конечные выводы эксперта всегда являются доказательствами по делу, ибо ради них в основном и осуществляется исследование (разумеется если они удовлетворяют требованиям допустимости и относимости). Каково

¹² Галкин В. М. Средства доказывания в уголовном процессе. Ч. II. М., 1968. С. 9—10, 77—78.

¹³ Петрухин И. Л. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе. М., 1964. С. 42.

доказательственное значение вывода эксперта? Имеется ли у них в этом отношении специфика по сравнению с другими видами доказательств?

Если эксперт устанавливает факт, входящий в предмет доказывания, то заключение как доказательство никакой спецификации не имеет. Вывод эксперта совпадает с конечным тезисом доказывания и используется в информационной стороне доказывания без каких-либо других логических построений. Заключение оценивается здесь как информация о факте (а не как посылка для последующих выводов) только со стороны его достоверности. Если достоверность информации подтвердится, то безразлично, каким путем, из каких источников она получена, например, эксперт ли идентифицировал исполнителя хулиганской надписи или этот факт установлен на основании показаний свидетелей-очевидцев.

Иначе обстоит дело в случаях, когда экспертом установлен доказательственный факт, т.е. факт, который не входит в предмет доказывания, а используется как посылка в логической стороне доказывания (т.е. является косвенным доказательством). Казалось бы, тоже безразлично, какими средствами установлен такой факт. Однако здесь начинает сказываться специфика выводного знания по сравнению с информационным. Если содержанием информационного знания всегда является какой-то фрагмент действительности, конкретный факт, доступный непосредственному восприятию (событие или предмет материального мира), то в выводах может содержаться знание о возможности фактов, долженствовании причинной связи, о других сложных и многочисленных связях и отношениях. Поэтому вопрос о доказательственном значении выводов зависит от их логической формы, от того, являются ли они суждениями действительности или возможности, о факте или его причине и т.п. В связи с этим исследованию вопроса о доказательственном значении различных логических форм выводов эксперта должна предшествовать разработка их классификации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галкин В. М. Средства доказывания в уголовном процессе. Ч. II. — М., 1968.
2. Петрухин И. Л. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе. — М., 1964.
3. Торвальд Ю. Сто лет криминалистики. — М., 1975.
4. Эйсман А. А. Заключение эксперта. Структура и научное обоснование. — М., 1967.
5. Эйсман А. А. Логика доказывания. — М., 1971.